

Независимая газета — 1992 — Январь — 27

ЛЕГКО ЛИ УМЕРЕТЬ МОЛОДЫМ

Послесловие к жизни и смерти Юриса Подниекса

Юрис Подниекс.

Фотохроника ТАСС.

Петр Вайль

Память

КОГДА я узнал, что в возрасте 41 года в озере Звиргзду, возле Кулдиги, в Западной Латвии, утонул кинорежиссер Юрис Подниекс, автор знаменитых лент «Легко ли быть молодым?», «Мы» и многих других, то испытал острое чувство отчаяния. Наверное, даже трусливое эгоистическое ощущение страха. «Бомбы рвутся все ближе и ближе. Меньше двух лет назад умер Сергей Довлатов, с которым прошли годы моей нью-йоркской жизни. А теперь — Юрис, один из ближайших моих друзей рижской молодости.

Подниекс был на год моложе — в армии, где мы и встретились, такая разница существенна. Он еще числился «салагой», когда я уже перешел в почтенный разряд «лимонов», или «черпаков». Но Юрис сразу утвердился даже среди «стариков», проявив себя разнообразно и эффективно: стал фотографом части, почтальоном, заведующим радиорубкой, да еще побил какие-то полковые рекорды. Он любил вспоминать о своих юных спортивных успехах, от которых отказался ради кино. И вид спорта для него, принципиально не признающего узкой специализации, не случался — пятиборье. Юрис умел скакать верхом, стрелять, отлично плавал. Очень хорошо плавал.

Он не хотел сосредоточиваться на чем-то одном, его разброс был осознанной и расчетливой реализацией избытка энергии и способностей. В кино он тоже начал с операторской работы, достиг высот, потом стал режиссером, сделался в этом качестве звездой, следующим этапом намечался переход от документальных картин к игровым. Подниекс рассказывал мне о своих планах необычного по жанру фильма «Иосиф и его братья» по мотивам пьесы Яна Райниса. Точнее будет сказать все-таки — «Язеп и его братья», так ближе к оригиналу, потому что это именно латышское переложение библейского сюжета.

Юрис был латыш, и это не строчка из анкеты, а характеристика. Из основных национальных черт ему более всего была присуща основательность. Он хотел заниматься очень многим, но везде преуспевать. Когда мы познакомились, Подниекс довольно плохо говорил по-русски и страшно от этого расстраивался: замыкаться в рамках Латвии ему не хотелось. И мы проводили долгие часы в его радиорубке, где я наговаривал целые бобины стихов — Пушкин, Блок, Есенин, Северянин, — которые он заучивал наизусть, извываясь от акцента, изумляя приложением и стремительностью достижений. Потом, уже после армии, я часто вздрагивал, когда в компании, в полумраке, в табачном дыму и алкогольных пазах, вдруг слышал откуда-то из угла голос: «В белом платье муаровом, в белом платье муаровом...» Это Подниекс очаровывал очередную жертву, которых, надо сказать, было очень много — да и не могло не быть: при его выигривной внешности, очень мужском обаянии, подчеркнутым, даже наиграным, но оттого не менее лестным его рыцарстве.

Со временем эти стихи, как и вообще русская культура,

сделались для Юриса своими. А строчки из одного пушкинского фрагмента стали у нас даже неким паролем: «В голубом небесном поле ходит Вesper золотой, старый дождь плывет в гондоле с догарессой молодой». Я уехал в Америку в 77-м и, когда началась свобода и прогремел фильм Подниекса «Легко ли быть молодым?», часто представлял себе, что он придет с картиной в Нью-Йорк, а я приду в зал и pošлю ему записку с этой самой «догарессой» — догадается или нет? Но Юрис меня опередил: в Нью-Йорке раздался его звонок из Англии, и вместо «здрасьте» он начал читать это: «В голубом небесном поле...» Он все осваивал капитально.

Это не значит, что Подниекс жил расчисленно и четко. Он вполне мог быть спонтанным и непредсказуемым, при его педантизме — даже в мелочах. Помню, мы сидели в пивном баре «Зем озола» («Под дубом») на улице Блауманя. Было великолепное илгуземское пиво в глиняных кружках, какая-то особая курица, чья особость состояла в том, что ее подавали не на тарелках, а на дощечках, играла красивая музыка. Всего было вдоволь, кроме денег. И вдруг Подниекс сказал: «У меня есть чужие деньги, которые нужно отдать утром. Но если сейчас заиграют «Грин Филдс», то гуляем на них, а до утра попробуем достать». И конечно, мы нигде не ушли, а потом полночи доставали деньги. Не скажу, что Юрис мог творить чудеса, но, кажется, тогда я в него поверил окончательно, потому что мощное силовое поле Подниекса проявилось наглядно: сразу после его слов, будто только ждали сигнала, заиграли «Грин Филдс».

Эта музыка, как и стихи про догарессу, так и будет всегда связана для меня с Юрисом. Все это мы вспоминали, когда встретились впервые через тринадцать лет в Риге и на его шикарном вездеходе «Рэндровер», предоставленном для съемок японцами, поехали на руины империи. Так мы назвали эту акцию, хотя в то время, весной 90-го года, империя еще только шаталась. Но мы пили шампанское на месте своей бывшей воинской части. Вместо клуба, где в радиорубке мы устраивали тайные гулянки с учительницами из гудящей школы, был пустырь. И вообще все выглядело примитивной символикой: съехались из разных полушарий выпить на развалинах милитаризма, в преддверии независимой Латвии.

У Подниекса к краху империи было сложное отношение. Не к отделению Прибалтики, разумеется: безусловный латышский патриот, к этому он относился однозначно. Но вот сама идея распада его, по-моему, смущала. Настораживало разложение мозаики на отдельные кусочки, тусклые и невнятные по отдельности. Он вообще всем своим нутром, всем творческим существом был за единство, против атомизации. Может быть, в этом парадоксальным образом сказывалась именно его национальность, принадлежность к народу, чей любимейший вид искусства — хоровое пение.

По фильмам Подниекса хорошо видно, что он обладал редчайшим для художника конца XX века чутьем и любовью к поэзии толпы. Я никогда и нигде не видал более сочувственного и одухотворенного показа человеческой массы, чем в картине «Мы». И еще больше — в фильме о Празднике песни, который Юрис показывал на

видеокассете у меня дома в Нью-Йорке прошлой осенью. Там лицо толпы ярко и поэтично. Это в известной степени атавизм, а в контексте современной культуры, ориентированной исключительно на самостоятельную, обособленную личность, прямо-таки вызов. Подниекс, мне кажется, видит просвет как раз в хаотическом движении массы, в здравом инстинкте сообщества. Он как бы сомневается в стойкости и достоинстве каждого отдельного человека, как бы возлагает надежды на интеграцию, говоря по-русски — на «соборность». Согласиться с этим трудно, но нельзя не восхищаться мастерством и изобретательностью, с которыми доказывается тезис. Документальные ленты Подниекса красивы и поэтичны, как лирические стихи. «Как» тут явно важнее, чем «что». Дух «догарессы» витает над фактографией.

При этом Подниекс мог быть жесток и даже жесток: так сделан фильм «Легко ли быть молодым?». Но все же главное у него — лиризм, иногда даже с избытком сентиментальности. В жизни ему тоже нравилось выглядеть суровым и мужественным, с оттенком брутальности, но он очень легко сходил к открытости, открывенности, простоте, готов был вполне по-русски говорить о сокровенном за бутылкой. Хотя сам же и потешался над этим с некой дистанцией западного человека. «Стари-и-к, — говорил он, издевательски растягивая слова, — мы же творческие лю-ю-ди, мы должны, как дельфины, друг другу спины подставлять». Это у нас тоже была кодовая фраза, которой помечалась всякая красивая туфта.

Я замечаю, что мне не удается выделить Подниексовскую доминанту, и понимаю, что это не случайно. Слишком многое ему нравилось, слишком многое он учел и еще больше хотел уметь, слишком много делал, слишком по-разному, слишком много в нем было намешано: и от Латвии, и от России, и от Европы, как я отчетливо понял в наши последние встречи.

Я могу назвать основные черты характера Юриса, но это делать глупо: он ими не исчерпывается. Например, при всей организованности, всем здравом смысле Подниекс мог быть импульсивным и совершать необдуманные поступки. Правда, он твердо верил в свою удачу. Вообще был счастливым. И всегда умел обращать недостатки в преимущества.

Он был счастливым: первым из киношников вошел в самый опасный блок черновыльского атомного реактора и вышел без губительных последствий. Стоял рядом со своими операторами Андрисом Сляпинишем и Гвидо Звайгзне: они погибли от пуль омовцев, а он уцелел. В Литве, Средней Азии, Нагорном Карабахе он десятки раз рисковал, но выжил. А сейчас меня посещает кошмарная мысль: смерть Юриса Подниекса оказалась утверждением жизни, полноте и разнообразию которой он так поклонялся.

Я хочу сказать, что, погибши он от омовцев пули, или в карабахской перестрелке, или во время головоломной киносъемки, — в этом была бы хоть какая-то логика. А жизнь принципиально алогична, хаотична и непоследовательна, и Юрис вступил в безмятежные воды озера Звиргзду так же спокойно и уверенно, как в радиоактивный блок реактора, как под дула «калашниковых». И с тем же непредсказуемым шансом выжить «ли умереть».